

Модификация социальной ответственности в массовом обществе

Modification of social responsibility

Тимощук Алексей Станиславович,

Доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-

экономических дисциплин

ФКОУ Владимирский юридический институт ФСИН России

Владимир, Россия

a@timos.elcom.ru

Аннотация

Модификация социальной ответственности – это комплексное явление, протекающее под влиянием нескольких факторов: 1) демографический профицит и неоднородность народонаселения, 2) научная, информационная, экономическая, юридическая и криминальная глобализации, 3) растущая роль информации и деонтологизация товарно-денежных отношений, 4) увеличение уровня сложности и рискогенности общества, 5) становление техносферы как новой области отношений. Сложность феномена заключается не только в комплементарности формирования, но и в процессуальности его бытия.

Abstract

Modification of social responsibility is a complex phenomenon, occurring under the influence of several factors: 1) overpopulation and heterogeneity of the population, 2) scientific, informational, economic, legal and criminal globalizations, 3) the growing role of information and post industrial production, 4) increasing complexity of the risk-taking society; 5) the emergence of the technosphere as a new field of relations. The sophistication of the phenomenon is not only in the form of complementarity, but also in processual character of its existence.

Ключевые слова: массовое общество, социальная ответственность, неклассический социум.

Key words: mass society, social responsibility, non-classical socium.

Массовое общество – это беспрецедентный феномен за всю известную историю земли. Количество имеет значение для производства новых социальных качеств. Если традиционное, устойчивое общество можно назвать классическим, образцовым, предсказуемым, то современное общество – это, прежде всего, неклассический объект, который нельзя поймать в классическую сетку понятий субъект – объект, причина – следствие, простое – сложное, истинно – ложно и т.п. существенными признаками методологии неклассической науки являются: многомерность (полионтичность), парадоксальность, пластичность, процессуальность, ризоматичность, экологичность.

Неклассический социум пришёл на смену классического с его малым количеством таксонов и статусов, устойчивой идентичностью, линейностью поведения, иерархичностью организации. Управление таким объектом было построено на принципе механицизма: воздействие субъекта на объект с целью изменения его поведения. Кризис классического управления особенно ярко проявился в многочисленных социальных конфликтах XX века, а причиной его является растущая социальная неоднородность разных уровней (имущественная, этническая, религиозная, мировоззренческая). Одна из функций управления – сохранение устойчивости организационной структуры, входит в противоречие с внутренними тенденциями самоорганизации общественных классов и групп, которые реализуют собственные программы и цели. Для успешного управления неклассическим обществом необходимо разобраться в специфике социальной неоднородности разных уровней.

Особенности социальной ответственности проистекают из её функционирования в обществе нового типа – массовом, информационном, технологическом, рискогенном, глобальном.

Массовое общество – это первая и наиважнейшая характеристика общества нового типа. Именно количество производителей в одних странах позволило сделать потребление столь доступным для миллиарда в других странах. Концентрация людей в местах производства и потребления создаёт риски не только для техногенных и природных катастроф. Существенно влияет на социальную ответственность неоднородность распределения масс. «Золотой» миллиард состоятельных потребителей создают экологические проблемы для остальных шести миллиардов. При этом, поскольку производства сегодня вынесены в Азию, то расплачиваются за выброс СО именно страны производители.

Информационное общество. «Всё знать, всё уметь» – тезис универсального человека, принятый Возрождением, французскими энциклопедистами и марксизмом как никогда воплотился в обществе глобального сетевого знания. Воистину, отныне знания не являются цеховыми. Любой пользователь потенциально может овладеть самыми разнообразными технологиями и знаниями – от устройства сада камней и ландшафтного дизайна – до изготовления взрывчатых веществ, что делает информационное общество рискогенным. Поскольку в информационном обществе в производстве и передаче значений занято значительное количество участников, ретрансляция информации носит обезличенный характер, создавая почву для безответственной манипуляции.

Технологическое (пост-традиционное) общество.

Вопросы «как» и «почему» относятся к принципиально разным онто-аксиологическим доменам. Если традиционное общество озадачено смыслами и генерирует такие тексты как Упанишады, Кодзики, Тору, Библию, Коран и т.д., для пост-традиционного общества на первый план выходят технические способы решения проблем. Выпуская специалистов-технократов, мы оставляем лакуну образования и воспитания для потенциального воздействия операторов смысла с более сильными идеями. Результат ценностной, мотивационной, интеллектуальной переориентации человека хорошо подметил С. Рушди. У фундаменталистов есть свой символ веры, свои абсолютные регулятивы, за которые они готовы умереть. «За что мы готовы умереть?», – спрашивает он. Пост-традиционная культура не дала нам единогласной решимости быть готовым умереть за свободу слова, многопартийность, гомосексуализм, секуляризм, права женщин, теорию эволюции, плюрализм, мини юбки, Голливуд, свободу совести и т.п.. Мы против терроризма, но также нужно понять, что мы защищаем. Столкновение традиционного и пост-традиционного общества очень рельефно можно рассмотреть на примере интернет поддержки редакции юмористического журнала в Париже: одни поддерживали журналистов и ставили «Je suis Charlie», другие же, напротив, делали логотип «Je ne suis pas Charlie», не соглашаясь с его безответственной публикационной политикой.

Общество высоких скоростей. Высокие скорости делают мир совокупностью процессов, а не явлений. А.Н. Павленко вводит понятие «рапидактор» – всевозможные технические и технологические ускорители социальных интеракций. Компьютеры (акселератор вычисления), средства транспорта (акселератор перемещения), средства связи (акселератор общения) необратимо ускоряют время в том смысле, что создают такую систему, которая без рапидактора функционировать не может. Эта характеристика также порождает потенциальную социальную неустойчивость, когда индивид не может брать долгосрочную

ответственность. Скорость общественных изменений является одним из фактором ограничения ответственности личности за свои поступки.

Общество риска. Практически все значимые технологии и технические объекты потенциально опасны – водопровод, транспорт, электричество, ядерная энергетика, оружие массового поражения, высотные сооружения и т.д. Как следствие, группа людей может держать в страхе большое общество, пользуясь его уязвимостью (терроризм). Человечество рискует анонимно через факторы конкуренции и войны как источники глобального развития.

Экспертократия – это власть специалистов в разных областях – медицинской, политической, ядерной, энергетической и пр. Мануфактурное производство перешло в фазу корпоративного индустриализма и увеличению экспертных областей знаний – тяжёлая промышленность, добыча полезных ископаемых, химия. Университеты, выросшие из теологических, юридических и медицинских факультетов, стали ориентироваться на технократическое знание – инженерия, электротехника, металлургия и т.д. Распространение анонимной зоны экспертократии сужает сферу индивидуальной ответственности.

Глобальное общество. Вопросы коммуникации, экологии, производства, мобильности, финансов уже отнюдь не локальные, а межгосударственные, межблоковые и даже планетарные. В условиях многофакторности мира импровизация, коммуникация и интеграция становятся способом выживания локальных сообществ (crowdfunding, crowdsourcing). Экономический мондиализм привёл человечество к естественному состоянию формулирования международных стандартов в области экономики, права, банковской сфере, безопасности. Глобальность интеракций позволяет террористическим группам распределять свои ресурсы, перебрасывать боевиков. Известно, что ветеранов терроризма можно встретить в самых разных точках земного шара. В этом смысле многие проблемы приняли мондиальный характер и требуется принятие за вопросы экологии, военных угроз, демографии и социального неравенства.

Общество потребления. Если пропорционально сократить человечество до деревни в 100 человек, только один житель будет иметь высшее образование, 5 человек – иметь компьютер, 7 – иметь доступ в интернет, 1 – машину, 3 – велосипед, 15 – мобильный телефон, 1/3 не будет иметь электричества, а 25 человек будут жить на 1 доллар в день, один будет контролировать доходы всех остальных. Учитывая данные статистики, современный социум следует признать чрезвычайно неоднородным. Терроризм опирается на очевидный факт социального неравенства и предлагает радикальный способ его устранения. Экономически развитые страны признали, что эффективнее принимать ответственность за бедных в соседних странах, нежели, когда они получают мигрантов в своей стране.

Политрадиционное общество. Глобальность и неоднородность социального тела являются важными, но фоновыми характеристиками. Процесс самоорганизации социокультурных групп неразрывно связан со спецификой отражения прошлого их родовой культуры. Так, неоднозначность, многовекторность культурной динамики раннего христианства способствует образованию множеством микротрадиций, утверждающих свои локальные мнемонические среды. Фиксация доминирующего ценностно-смыслового начала, которое имело место на первых Вселенских соборах не устранила эти процессы самоопределения традиций и они происходят до сих пор, но уже в условиях светского государства. Поэтому обращение к специфике памятования малых групп в прошлом и сегодня не потеряло актуальности для истории и теории культуры.

Ценностно-смысловое самоопределение социальных групп происходит и в отборе мнемонических скреп, которые представляют собой малый кайрос или коммуникативную локальность, снимающую напряжённость между вечностью и отчуждением, столь характерным для земной истории. Порождение малых кайросов приводит к образованию множества исторических вертикалей, соотносящих, в сознании малой группы, с мировой истории, а, порой и устанавливающих её малую историю как осевую, судьбоносную.

Актуальная социальная динамика – это процесс умножения, диверсификации, конкретизации традиций. Умножение социальных континуумов (традиций) неизбежно связано с эксфолиацией смыслов, что является важнейшей особенностью современной социокультурной динамики. С этой позиции современное общество нельзя назвать посттрадиционным, оно политрадиционно. Это и является, по нашему мнению, сущностной характеристикой его состояния. Социальная ответственность диверсифицируется в политрадиционном обществе. Учитывая, что личность обусловлена сегодня множеством идентичностей, социальная ответственность – это динамичный процесс конкретизации этико-правовой значимости.

Традиция – это форма социальной конкретизации, самоограничения в энергийно-смысловом множестве. Никакое общество не может жить без культурных эстафет. Мы предлагаем традициогенную концепцию как альтернативу эссенциалистско-универсалистской парадигме развития обществ (Г. Гегель, К. Маркс) и процессуально-нигилистической (Гераклит, Ф. Ницше, Ж. Деррида). Развитие общественных отношений в этой модели предстаёт как функционирование традиционных континуумов, которые понимаются как ценностно-смысловые, энергийные эстафеты. Ближайшим союзником традициогенной концепции общественных отношений является локально-цивилизационный подход к истории (О. Шпенглер, К. Ясперс, А. Тойнби). Преимуществом традициогенного подхода является снятие конфликта эссенциализма и процессуализма. Традиции несут запас устойчивости,

самосохранения системы. Рождаясь из повторения, традиции являются способом ценностно-смыслового самоконституирования человека, фокусируют его идентичность во флуктуирующем мире. Энергия повторения традиционного действия транслируется по каналам ценностно-смысловой преемственности.

Адекватным средством дескрипции ценностно-смыслового самоконституирования традиционных культур в глобальном контексте мы считаем феноменологическое понятие «онтопоэзис» (А.-Т. Тименецки), в котором смыкаются природность традиционных культур и их субъективно-эстетическая актуализация. Динамика онтопоэзиса обслуживает потребность в индивидуации субъектов культуры. Это осуществляется путем умножения, пролиферации смыслов и особенно быстро происходит сейчас, когда бытие традиционных культур протекает в мировом контексте. Онтичность традиционной культуры поддерживается запросами самоидентичности субъектов культуры, их самоотнесением с первичной территорией смыслов своей базовой традиционной культуры.

Фр. Варела, Х. Матурано предложили термин «автопоэзис» для фиксации процессов нелинейного самоусложнения в природе. Для выражения идеи творческого самообновления они вынуждены были обратиться к греческому слову ποιησις, которое означает акт творческого действия, основанного на вдохновении.

В социологии Н. Лумана автопоэзис – это динамичная целостность общественных групп, устанавливаемая в процессе коммуникации. Коммуникация создаёт автопоэтический эффект вдохновения, стимулируя непрогнозируемые социальные взаимодействия.

Фактор глобализации выступает буфером обмена разных автопоэтических социальных образований, плавильным тиглем микротрадиций. Автопоэзисы традиций – это подвижные коммуникативные среды. Не следует ожидать доминирования какой-либо одной традиционной культуры в будущем. Сейчас больше шансов для проявления эмерджентных, синергетических свойств традиционных культур, которые разрывают границы своих локусов и дробятся на самоконституирующие формации. Локальные автопоэтические микротрадиции являются социальными ячейками, обладающими способностью к самоконституированию социальной памяти. Общественные страты, касты, корпорации представляют собой малые социальные скрепы, осуществляющие традирование микропотоков социальной памяти. Наследование ценностно-смысловых стратегий поведения происходит в малых группах.

Для поддержания устойчивости физических объектов необходима структурная «память» на уровне связей нуклон – электрон, электрон – электрон. Это жёсткая, номотетическая память. Существование социокультурных объектов обеспечивается идиографически; здесь работает гибкая, кластерная, ассоциативная социальная память. Поэтому стабильность социума возможна не через принудительную масс-медийную унификацию, а через свободную

ценностно-смысловую фрагментарность. Традиция сохраняется через актуализацию малого. При этом эксфолиация индивидуальности не закончена, она продолжает расти по мере того, как все новые и новые ценностно-смысловые локальности становятся доступными на мировой ярмарке культуры. Конкретизация мнемонических эстафет в новых культурных условиях выступает посредником, коммуникатором между разными смысловыми средами.

Поддержание устойчивости террористических групп осуществляется через социальные сети, где вербуются новые члены. Затем они проходят подготовку в ценностно-религиозных группах. Причина обращения студентов в террористы заключается в том, что эти радикальные группы предлагают ценностно-смысловую традицию, которой так не хватает в обществе технологий. Философия терроризма удовлетворяет смыслодефицит общества потребления.

Хорошее общество. Украинский Сократ – Григорий Савич Сковорода, считал, что мир создан Богом так, что все простое – правда, а все сложное – неправда. В сложном технологическом обществе тоже может быть своя правда. Более того, усложнение общества есть естественный ответ на количественный демографический вызов и терроризм как массовое явление возможен лишь в массовом обществе. Мы имеем дело с самым большим социумом за известную нам историю. Именно народонаселение определяет переход от аграрного общества к индустриальному (земли не хватает на всех) и от индустриального к постиндустриальному (рабочих мест на производстве не хватает при распределении за счёт глобального рынка труда; как следствие роста благосостояния населения его потребность в услугах увеличивается).

Сложное технологическое массовое неклассическое общество не оставляет этические идеалы, но трансформирует их. В.Г. Федотова, говоря о «хорошем обществе» в одноимённой книге отмечает следующие тенденции в социальных трансформациях и идеях общественного блага: 1) соц-инжиниринг опирается на количественные инструменты, но не метафизику, 2) междисциплинарная интеграция в социальном познании, 3) ранжирование хороших обществ опирается на разнообразную квалитетрию продолжительности жизни, социальной поддержки материнства и детства, показателей рождаемости и смертности, ВВП на душу населения, качества жизни, ощущения счастья и т.п., 4) господство анонимных регуляторов в обеспечении стабильности общества.

Этический дискурс «хорошего общества» крайне важен в логике категориальной дополнительности. Наше общество лучшее из возможных не только потому, что оно наше или потому, что оно есть. Лучшим его делает приверженность консервативному благу, а не бесконечному прогрессивизму изменений.

Одной из угроз прогрессивизма выступает привычка к высокому стандарту комфорта и увеличивающийся мировой долг кредиторов, который превышает совокупность мировых

благ. Совокупный внешний долг в мире сегодня составляет более 70 трлн. \$, т.е. порядка 10 тыс. \$ на каждого жителя земли.

Наша цивилизация последние две тысячи лет движется по пути возвышения потребностей и удорожания жизни. Если в Риме для удержания контроля над массами достаточно было хлеба и зрелищ, сегодня социальное бремя государства выросло неимоверно – пенсии, образование, здравоохранение, правосудие, разнообразные программы социальной защиты. В этом смысле термин «good society» приобретает не только российский контекст правдоискательства, но и глобальное значение справедливости в распределении благ

Таким образом, ситуация диверсификации и деперсонализации социальной ответственности обусловлена взаимодействием традиционного и пост-традиционного общества. Пост-традиционное общество дает нам развитую техносферу, материальные ресурсы. Традиционное общество дает сильную ценностную установку, которая позволяет расставаться с жизнью за эти ценности. Сможет ли человечество синтезировать тезис и антитезис в разумной альтернативе хорошего безопасного общества благосостояния и равенства? Модификация социальной ответственности означает сопротивление смыслов и ценностей